

Бондаренко А.Ф.

Профессор, доктор психологических наук

[\(https://prof-bondarenko.kiev.ua/\)](https://prof-bondarenko.kiev.ua/)

RU ▾

[Главная \(https://prof-bondarenko.kiev.ua/\)](https://prof-bondarenko.kiev.ua/) > Этическое основание психотерапевтических практик, восходящих к антропологии восточного христианства

Этическое основание психотерапевтических практик, восходящих к антропологии восточного христианства

Статья посвящена анализу генезиса и последствий основополагающего условия и принципа антропогенеза – отказа людей от ауто- и гетеродеструктивного поведения, связанного с жертвоприношением. Привлекая разнообразный биологический, философский, исторический, культурологический и психологический материал, автор обосновывает чрезвычайную важность венца этого процесса – базисного этического принципа, закрепленного в восточной версии христианства в виде абсолютного запрета на жертвоприношение. В статье утверждается, что подход именно с этих этических, а в сущности, антропологических позиций обеспечивает как для практикующего психолога, так и для страдающего ориентировку в подлинных смыслах происходящего в травматических межличностных отношениях.

Ключевые слова: антропогенез, жертвоприношение, религиозные традиции психотерапевтические практики, этический персонализм

The ethical basis of psychotherapeutic practices, ascending to the Eastern Christian anthropology.

A.F.Bondarenko

This article analyzes the genesis and consequences of the underlying prerequisites and the principle of anthropogenesis – the refusal of people from the auto- and heterodestructive behavior associated with sacrifice. Drawing on a variety of biological, philosophical, historical, cultural and psychological material, the author proves the extreme importance of the crown of this process - a basic ethical principle in the eastern version of Christianity as an absolute ban on sacrifice. This article argues that the applied approach from this ethical and essentially anthropological position provides for both the practicing psychologist and his/her client most adequate orientation in the true sense of what is happening in traumatic interpersonal relations.

Keywords: anthropogenesis, sacrifice, religious traditions psychotherapeutic practice, ethical personalism

Представляется очевидным, что психологические практики, за каждой из которых стоит, к тому же, некое подобие теории, не могут быть обособлены от историко-культурной, социальной и даже политической ситуации, в которой данная практика возникает. Как время, эпоха формирует определенный образ человека, так и психотехнические (духовные) практики не только оформляют и закрепляют его, но и пытаются воспроизводить ту человеческую феноменологию, а затем и антропологию – в философском

смысле, каковой эти обе обязаны духовным практикам, воплотившись в них и воплотив их в себе. Так что дело даже не в том, что в самом психотерапевтическом методе уже заложена определенная философско-методологическая традиция, система социально-культурных норм, ценностей и способов действий, актуальная для того социума, в котором она возникла, а в том, что психотехники духовных практик, которые были инкорпорированы в современную психотерапию и психологическое консультирование, являются ни чем иным как трансляцией сущностных пониманий человека, восходящих прежде всего к религиозной духовной практике – практике вначале себя, а затем, по мере профессионально-личностного созревания – и другого: в данном случае – пациента, клиента. На первый взгляд, феноменология здесь выглядит следующим образом: если мы хотим на самом деле понять существо психологического воздействия конкретной психотехники, воплощенной и закреплённой в так называемой «парадигме», то все, что потребуется – это соотнести конкретную терапевтическую или консультативную психотехнику с психотехникой, разработанной в соответствующей религиозной системе и, конечно же, с представлениями, вытекающими из нее о природе, судьбах и путях человека в мире, т.е. с мировоззренческими антропологическими представлениями (см.5, с.31,57 и др.; 9; 11). Несколько простых иллюстраций. Вряд ли у кого найдутся возражения, опровергающие общепризнанный факт, что психоаналитическая процедура во многом скопирована с католической исповеди. А так называемое холотропное дыхание – одна из пранаям, точнее даже коллективная пранаяма, заимствованная из психотехник индуизма, соединенная с ритмической музыкой, в свою очередь использующую шаманские, суфийские и другие магические ритмы, что и обеспечивает индуцирование транса. Точно так же «позитивная психотерапия» Н. Пезешкяна является лишь психотерапевтически ориентированной техникой развертывания основных принципов религии Бахаи, воплощением основных догматов бахаизма в практической работе с индивидом и обществом, как неоднократно подчеркивал сам автор метода, с которым неоднократно и тесно приходилось общаться и в Москве, и в Киеве. Этот ряд примеров можно было бы легко продолжить, упомянув логотерапию и гештальт-терапию – психотерапевтические школы, авторы которых противопоставили экзистенциальную философию традиционному иудаизму; многочисленные ответвления парарелигиозного движения «New Age» с их синкретическим слиянием с многочисленными техниками религиозных практик Востока (дзен, даосизм, индуизм, буддизм), не говоря уже об оккультных течениях теософии, антропософии, каббалы и пр. Гораздо проще констатировать как аксиому: многие традиции психотерапевтического воздействия формируются под влиянием преобладающих религиозных воззрений и сложившихся социальных обстоятельств в каждой отдельной культуре. Однако выпячивание именно психотехнической или догматической сторон религии, упор на содержание и форму духовных практик, равно как и отрицание любой связи религии с философской антропологией, т.е. пониманием предназначения, устремлений человека чревато наиболее распространенным вывертом современной психотерапии, а именно: превращением ее в практическую философию или, что еще опаснее, превращением метода в культ, когда за «чистотой», «правильностью», «могуществом» метода исчезает сам страдающий человек. Этот своеобразный современный гностицизм, наиболее одержимые представители которого именуют себя «методологами», опасен тем, что на место стремления к пониманию происходящего, его действительных многосложных и многообразных причин, ставит **стремление к истолкованию** в терминах специально сконструированного языка, смысл которого и состоит в обеспечении доказательства торжества метода, а не в постижении реальности, каковой она есть на самом деле. Это специфическое означивание действительности с помощью условного и, тем самым, непонятого «непосвященным» языка на самом деле еще больше удаляет нас от постижения реальности, поскольку эксплуатирует «доверчивое бездумье» (выражение Б.Ф.Поршнева) людей, оставляя их в подчиненности превалирующей групповой суггестии (ср.7, с.195)

Во всей этой довольно обширной и интересной тематике есть один аспект, который, за небольшим исключением, находится на периферии профессиональных интересов современных практикующих психологов. Аспект этот касается тех антропологических установок, на которых зиждется, из которых проистекает определённая парадигмальная система взглядов, формирующая и содержание самих психотехник – **зачастую исходно религиозных**, а затем уже и собственно психотерапевтических. Речь идет не о теологической психологии и психотерапии, в которой восстановительная работа с человеком выстраивается в соответствии с догматами, максимами и конкретными высказываниями из Авесты, Библии или Упанишад. Речь идет как раз не об обрядах, не о ритуальном, пусть и глубоко проживаемом понимании упоминаемой сентенции из религиозных текстов, как это зачастую сквозит в публикациях теологически ориентированных психологов, и не о психотехниках, заимствованных или скопированных под влиянием религиозной традиции. Речь идет прежде всего о **центральной этической смысле**, который несет в себе та или иная религиозная антропология, глубина понимания и трактовки каковой определяет и ее ценность, и ее значимость в работе профессионала. К сожалению, приходится признать очевидное: практически все существующие парадигмы избегают обсуждения центральной антропологической установки, содержащейся в исходной религиозной системе: сущности дозволенного и не дозволенного в отношениях между людьми. При том, что самой проблематике межличностных отношений традиционно, начиная с первой четверти XX века, придаётся действительно большое значение. Достаточно вспомнить два ярких факта: знаменитое высказывание И. П. Павлова о том, что ни в чем нет настоящей драмы, кроме как в драме человеческих отношений и пресловутую «доктрину человеческих отношений», породившую, кстати, фигуру и должность столь же пресловутого HR-ра, существующие и в настоящее время.

Парадокс состоит в том, что современная психотерапия, как и психологическое консультирование, относящиеся не к проблематике психоэмоциональных состояний, индуцированных эндогенными процессами или катастрофическими событиями, а к тем состояниям, которые обусловлены травмой именно межличностных отношений, зиждутся, в основном, либо на атавистических религиозных системах, которым не знаком феномен личностного «Я», либо на западных рационализированных версиях христианства, основательно одобренных экзистенциальными идеями, которые метко определены как «вненравственная закраина самореализации» В.С. Библер). А единственная религиозная традиция, Восточное христианство, в которой эта центральная установка, центральный этический принцип отличается от всех других религиозных систем, практически не представлена в мировой психотерапии. В чем же величайший антропологический принцип именно Восточного христианства, так старательно обходимый окольными путями, уводящими к шаманизму, индуизму или произвольным толкованиям Дж. Аткинсона, к сомнительным текстам которого предпочитал обращаться З. Фрейд?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к проблематике антропогенеза как она видится современной наукой, поскольку без апелляции к ней останется неясным, отчего в современной психотерапии и психологическом консультировании до сих пор практически не представлен эссенциальный антропологический принцип византийского христианства, которым оно изначально обязано зороастризму. Это если смотреть вглубь истории с диахронических позиций, насчитывающих примерно две с половиной тысячи лет. А если говорить по существу, то принцип, который, согласно гипотезе Б.Ф.Поршнева, предопределил собственно антропогенез, т.е. подобный взрыву процесс дивергенции неантропов, собственно людей, от палеоантропов, протолюдей, – следует внимательно проанализировать события, происходившие 35-40 тыс. лет тому, когда неантропы стали стремительно отъединяться от палеоантропов (см.8, с. 368-372).

Рассмотрим научные основания принципиального положения современной теории антропогенеза, которая, в отличие от фрейдистских фантазий или идеологического благодушия гуманистической психологии, основана на неприятной, но неопровержимой гипотезе выдающегося мыслителя XX века Б.Ф.Поршнева, которая все больше и больше подтверждается современными антропологами, археологами и этнографами. Главный вопрос, поставленный Б.Ф.Поршневым, звучит так: в чем коренное, кардинальное отличие неантропов, этого продукта действия особой селекции, к которой неприменим принцип естественного отбора, приписываемый Ч. Дарвину, но на самом деле заимствованный им по совету доброжелателей у Т. Мальтуса, занимавшегося идеологическим обеспечением прав Ост-Индской компании на колониальное владение Индией, от палеоантропов?

С целью начальной ориентировки в сущности проблемы позволим себе в самых общих чертах обрисовать сердцевину построений выдающегося мыслителя. Опираясь на антропологический анализ продуктов деятельности антропоидов верхнего палеолитического периода и на общие закономерности биологической эволюции, Б.Ф. Поршнев показал, что в силу изменения характера питания, связанного с последней ледниковой эпохой, у части гоминид развилась способность к контролю сигнальных рефлексов других существ посредством овладения механизмом суггестии. Закрепившиеся новые психофизиологические способы сигнального управления себе подобными обеспечивали неандертальцам, пришедшим на смену гейдельбергцам, возможность обеспечить себя питанием за счет себе подобных, когда прежний источник пищи – останки животных, пострадавших от Великого оледенения, исчез. Этот каннибализм, названный Б.Ф. Поршневым зоологическим термином «адельфофагия», т.е. поедание собратьев, представителей своего вида индуцировал мощный процесс контрсуггестии у потенциальных жертв антропофагии, т.е. способности к отторжению суггестивных команд и, далее, стремительную дивергенцию, отъединение от палеоантропов, что требовало тонкой сигнализации, невербальной и вербальной, способности к тонкой дифференцировке «своих» и «чужих» и, в итоге, к появлению неантропов. Именно контрсуггестия, в основе которой лежит интердикция, т.е. отмена, запрет суггестии палеоантропов, и выступает сущностным психологическим механизмом антропогенеза, продуцируя все более и более тонкий и могущественный речевой сигнал, а затем и знак, формируя тончайшие комбинации повеления и сопротивления, разрешенного и запрещенного, согласия и несогласия. Таким образом, неантропы преодолели биологический уровень существования и совершили скачок в собственно социальный, любой ценой стремясь уйти от соприкосновения с палеоантропами, в том числе вырабатывая у себя и способность убивать нелюдей, защищая свое право на жизнь. Длительное вынужденное сосуществование с палеоантропами, вынужденное соприкосновение с ними, в том числе, конечно, и межполовое, привело к тому, что генетически, в абсолютно «чистом» виде невозможно провести демаркационную линию между палео- и неантропом. Ее возможно провести исключительно в культуре, в форме культурного запрета. Б.Ф. Поршнев подмечает, что запрет, табуирование в процессе антропогенеза стойко придерживается непререкаемой формулы: **запрету подлежит только то, что разрешено при строго определённых условиях**, подчиняющихся непререкаемому правилу: «нельзя, кроме как в случае». К примеру, нельзя поедать человека, кроме как убитого по определенным правилам (жертвоприношение); нельзя убивать, кроме как на войне; нельзя вступать в половые отношения, кроме как в браке; нельзя пользоваться чужим имуществом, кроме как при обмене или дарении и т.д. Б.Ф.Поршнев подчеркивает, что подобная формула запрета – через исключение – объясняется психофизиологическим механизмом суггестии, в основе которой лежит принцип доминанты и отрицательной индукции. Иначе говоря, интердикция есть генеральное торможение активности с резервированием узкой возможности реализации того, что, в сущности, запрещено. Это и

есть действие суггестии, управляющей реальным поведением человека. Именно суггестии человеческая культура и, следовательно, психика обязана двум сопряженным факторам, детерминирующим собственно человеческое поведение: культурной норме, несущей абсолютный запрет, интердикцию целого класса действий и речевой команде, отменяющей эту абсолютную интердикцию применительно к конкретной ситуации и как закон подчиняющая себе действия человека в ней.

Согласно глубокому замечанию Б.Ф. Поршнева, люди, у которых в выраженной форме воспроизводятся нервнопсихические черты палеоантропов, попадают в ведение психиатрии. Именно потому, что в своей массе это как раз невнушаемые, т.е. неконтактные индивиды, которые не могут действовать не по стимулам первой сигнальной системы и вынуждают других обслуживать себя, иначе могут просто погибнуть (см.8, с.367). Точно так же и гиперсуггестивность т.е. незрелая вторая сигнальная система, скажем, при даже легкой форме олигофрении превращает тех же дебилов в орудие злоупотреблений со стороны асоциальных элементов. Недаром Б.Морель в свое время ввел термин «дегенерат» для любых представителей класса асоциальных.

Для нас же в контексте данной статьи решающее значение имеет как раз феномен преодоления неантропами палеоантропологического способа существования – аде́лфофагии, иначе – каннибализма. Отживающий свое, этот, ставший запретным, способ существования постепенно эволюционировал в **сакральное действие жертвоприношения**. Согласно Б.Ф.Поршневу, эволюция самого ритуала жертвоприношения – от биологического назначения – «откупная» пища для могущественных нелюдей – до символического задабривания богов напрямую связана с абсолютным запретом на убийство себе подобных у неантропов и заменой человеческих жертвоприношений животными. Впрочем, как подчеркивает Б.Ф. Поршнев, в тех этносах, где крупный домашний скот почти отсутствовал, первобытный обряд сохранился гораздо дольше, например, в Центральной и Южной Америке. В атаквистических религиях в том или ином виде человеческое жертвоприношение сохраняется до сих пор, несмотря на официальные запреты и строжайшие наказания. Здесь уместно напомнить о феномене **сати** – ритуальной традиции в индуизме, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе с её покойным супругом. Традиция сохранилась в Индии до наших дней, хотя еще с 1987 года там установлена уголовная ответственность даже за подстрекательство к сати, не говоря уже об исполнении этого чудовищного атаквистического обряда. Достаточно сказать, что ежегодно в Индии совершается по несколько десятков таких преступных действий. А живущие вдовы считаются чуть ли не проклятыми. Если при этом вспомнить о том, что для индусов именно представительница крупного рогатого скота, корова, является священным животным, то сравнение будет явно не в пользу человеческой самки. При отсутствии плодородных земель и значимости коровы, обеспечивающей молочными продуктами и топливом сельское население, женщина явно проигрывает в своей значимости этому животному среди поклонников Брахмы, Вишну и Шивы. Впрочем, если впечатлительному читателю подобное отношение одних людей к другим покажется неправдоподобной экзотикой, стоит обратиться к фундаментальной работе известного американского психоисторика Ллойда де Моза «Foundations of Psychohistory», многие страницы которой со ссылками на многочисленные хорошо документированные источники посвящены проблеме инфантицида в не такой уж далекой истории европейских стран. Л. де Моз прямо указывает: «Обычно считают, что убийство законных или незаконных детей – проблема скорее Востока, чем Запада. Однако накопленных сведений достаточно, чтобы показать, что убийство...детей было системой в античности, что законных детей не намного реже убивали в средневековье, а убийство незаконных детей было обычным делом вплоть до девятнадцатого века» (3, с.43). Так что хорошо известный из истории факт принесения богам в жертву первенца, или сохранившийся до настоящего времени ритуал «выкупа первенца» в иудаизме – довольно поздние отголоски отношений между палео- и неантропами в истории человечества.

Лишь с появлением христианства, – указывает Л. де Моз, возникает новое понятие – детская невинность, и в общественном сознании утверждается идея о недопустимости человеческих жертвоприношений (там же, с.76). Отдельного рассмотрения заслуживает анализ истоков абсолютного запрета на жертвоприношение, которому человечество обязано арийскому пророку Заратустре, вознагражденному Откровением высшего бога Ахурамазды, чьи молитвы были собраны в Авесте – священной книге зороастрийцев. Персидский царь Дарий I (522-486 гг. до н.э.), последователь Заратустры, как свидетельствуют хроники знаменитой Бехистунской надписи, во всех покоренных странах запрещал принесение в жертву не только людей, но и животных и, кроме того, впервые в истории отменил рабство, пышным цветом расцветавшее в демократических Афинах и республиканском Риме, что позволило Гегелю в Лекциях по философии истории умозаключить, что в Персии впервые засиял свет, «который светит и освещает иное, так как свет, впервые возвещенный Зороастром, принадлежит миру познания, духу» (см.1.с.43). Но другое дело, что было бы наивностью полагать, будто атаквизм остался в далеком прошлом. Он способен проявиться в любой момент, когда социальная ситуация разрушает тончайшую психосоциальную культуру неантропов, либо, когда атаквистическая религия удерживает прежнюю атаквистическую же культуру, в которую включен культ жертвоприношения, а также во всех тех случаях, когда в межличностных отношениях нарушаются нравственные нормы, главная из которых – запрет на принесение другого человека в жертву – ради потакания своим собственным гипертрофированным амбициям, потребностям, капризам, садистическим наклонностям, привычкам и т.п.

Впервые после Персии жертвоприношения были запрещены в Византии – центре Восточного христианства. Император Феодосий I Великий (379–395) в эдиктах 391–392 гг. приравнял совершение кровавых жертвоприношений к акту государственной измены, караемому смертной казнью и конфискацией имущества, его преемники на константинопольском престоле регулярно обновляли эти строжайшие запреты (см. 10). Именно в силу столь энергичного табуирования этого архаического ритуала в Византийском христианстве, возможно, по причине того, что соседствующие империи – Персидскую и Византийскую – не разделяла культурная пропасть, в восточной версии христианства абсолютный запрет на жертвоприношение, в конце концов, привел к тому, что, как известно из истории, в XIX веке в России невозможно было найти палача, хотя в Западной Европе эта должность считалась выгодной и переходила по наследству. Однако после трагических событий второго десятилетия XX века, повлекшим за собой такие жертвы, перед которыми меркнут все прежние жертвоприношения, сама эта проблематика, за немногими упомянутыми выше исключениями, была надолго вытеснена как из отечественной, так и из зарубежной психологической мысли. Между тем, как раз принесение другого в жертву, даже во имя самых высоких идеалов, самым великим богам, или, наоборот – отказ от этого, запрет, интердикция, в терминологии Б.Ф.Поршнева, составляет **сердцевину человеческой этики**. Как предельно четко сформулировал совсем недавно этот этический императив авторитетнейший британский философ Роджер Скрутон, «And if faith justifies murder, faith is not an option» (12, с.1). Именно в свете такой постановки проблемы становятся совершенно понятными слова Ф.М.Достоевского из романа «Братья Карамазовы», в котором Иван, обращаясь к своему брату-послушнику говорит: «Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезками к «боженьке», чтобы тот защитил его, – понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребенка к «боженьке» (см.4).

В реконструируемой нами концепции этического персонализма, восходящей именно к антропологии Восточного христианства, **феномену и понятию жертвоприношения принадлежит одна из центральных позиций**. Обратимся к более детальному их анализу. Согласно Рене Жиру, жертвоприношение предстает то как священное действие, то как преступление. Вот почему, как отмечает тот же Рене Жирар, никогда не ставится вопрос об отношениях между жертвоприношением и насилием иначе как в одном-единственном смысле: жертвоприношение — это насилие без риска мести (см.6, с.22). Концепция ЭП показывает, как именно насилие маскируется в реальных человеческих взаимоотношениях, принимая вид любви, заботы, даже преданности, но, тем не менее, оно остается реальным насилием, сущность которого заключается именно в потреблении другого человека или в уничтожении другого человека в угоду собственной прихоти. Именно такой, онтологический, ноуменальный, а не феноменологический взгляд на сущность человеческих отношений, составляет кардинальное отличие этического персонализма от всех остальных концепций, так или иначе затрагивающих межличностные отношения. Отличие не в интерпретативном, толковательном, а в сущностном объяснении. И еще один важный момент: принесение в жертву в межличностных отношениях не является ни в коем случае ритуальным. Скорее, это обыденная патологическая практика виктимизации другого человека безусловно в корыстных целях. Здесь несомненно отсутствует замещающая, компенсаторная и, тем более, сакральная функция ритуального, т.е. испускательного жертвоприношения. И на первое место выходит, еще раз подчеркнем, именно насилие, вынуждающее человека приносить себя в жертву другому. Если в ритуальной жертве при желании можно найти признаки невинного создания, призванного своей жизнью, вернее лишением ее, умиловать богов, то в реальном потреблении другого человека нет ни невинного создания, ни искупления, ни символического ритуала, никаких высоких смыслов, кроме одного: вынудить другого человека служить выгодополучателю в качестве удобного, или выгодного предмета потребления. Изошренность этого вида жертвоприношения заключаются также и в том, что если цель жертвенного замещения – перехитрить насилие, перенеся его на обходной объект, то в межличностных отношениях насилие ни на что иное не переносится, а принимает форму видоизмененной коммуникации, предполагающей и требующей подчиненных способов поведения со стороны жертвы. Еще одна немаловажная сторона этого феномена состоит в том, что традиционно жертвоприношение предполагает фигуру божества, ради умиловления которого в дар ему и приносится жертвенный объект (человек или животное). Но в реальности человеческих межличностных отношений божество отсутствует. Отсутствует и функция умиловления его. На самом деле один из двух присваивает себе функции господина, «верховного существа», посвящая жертву самому себе. Иными словами, во всех подобных случаях, пользуясь терминологией Б.Ф. Поршнева, происходит самая настоящая, хоть и не биологическая адельфофагия. Но какова же психологическая функция жертвы? Если реальная, бытийная ее функция – служить предметом потребления для своего властелина, то психологическая функция – маскировать реальный конфликт, который не может не возникнуть в подобных отношениях двух людей. И вот эта-то функция самой жертвы создает многообразный психологический туман, совокупность фантазий, фантазийных представлений, личных мифов и установок, всеобщее назначение которых призвано внести в жизнь жертвы мнимый смысл, придающий ложную значимость ее зачастую безвыходному положению. Как утверждает древняя китайская «Книга образов», у жертвоприношений и наказаний одна цель – устанавливать порядок. Однако живая человеческая жизнь людей, в отличие от жизни политической, если, конечно, вынести за скобки членов религиозных сект или приверженцев особенно ритуализированных религий, гораздо меньше подвержена подобным, возможно, анахроническим, причинно-следственным

автоматизмам. И как только у жертвы в силу тех или иных обстоятельств открываются глаза на ее реальное положение, конфликт прорывается наружу. К тому же насилие может вызывать ответное насилие. Жертвы взывают к отмщению, т.е. к ответному жертвоприношению. И здесь вновь вступают в дело социокультурные факторы: мстить или простить, бороться или уйти, возвыситься за счет унижения противоположной стороны или благодаря переосмыслению своей жертвы как дара. Культурное жертвоприношение в отличие от спонтанного психологического всегда основано на том, что это жертвоприношение начисто лишено риска мести. Жертвенный агнец приносится богам в дар по всеобщему согласию. Когда речь идет о человеке, который ни сам, ни его близкие не воспринимал и не собирался воспринимать себя в качестве жертвы, но оказался ею, в дело вступают совершенно иные законы, законы того вида и уровня этического сознания, которые присущи данному человеку. Ведь зачастую подвергать насилию того, кто насилие совершил, значит заражаться его насилием. Оказаться в ситуации, связанной с атавистическими отношениями, настоящий капкан. Это всамделишная карусель-мышеловка, попав в которую, ты уже не принадлежишь себе, ибо она вертит тобой в соответствии со своей страшной инерционной силой. Здесь уместен пример из трагедии У. Шекспира «Гамлет». Борьба главного героя с собой — это борьба человека, культура которого не приемлет ветхозаветной дохристианской мести, которой, возможно, инстинктивно, он бы и желал. Вся трагедия Гамлета, вернувшегося домой из христианского Витенберга, заключается в его нравственных усилиях избежать как бы само собой напрашивающегося ответного жертвоприношения, этой необходимости мести, по поводу которой в Евангелии, в Послании апостола Павла Римлянам сказано: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. «Ибо написано: Мне отмщение, Аз воздам», — говорит Господь» (Гл. 12, стих 19). Гамлет любой ценой пытается избежать соблазна мести. Вот истинная разгадка трагедии истинного человека: в его обретенной человечности. Разомкнуть порочный круг атавистического поведения, т.е. выйти за пределы кармы, говоря языком индийских философов, нелегко еще и потому, что более низкое гораздо живучее, чем высокое. Насилие всегда замкнутый круг, т.к. вырваться из него невозможно, не убив всех, кто может отмстить. Но и сам убийца смертен. Возникает впечатление, что высшие законы высшей жизни как бы стремятся аннигилировать всех, кто попадает в этот замкнутый круг.

Но возвратимся к межличностным отношениям. В реальной жизни реальных людей в ситуации виктимизации одним человеком другого отсутствует «жертвенный агнец», т.е. невинное существо. Каждый несет ответственность: и садист, и мазохист. И выгодополучатель, и объект его эксплуатации. Это несколько напоминает ситуацию отношений с банком, в котором человек взял кредит, но не рассчитал свою платёжеспособность. Или – в который человек поместил деньги, а банк обанкротился. Но на самом деле все гораздо запутаннее, сложнее и хуже. Ведь межличностные отношения, а особенно мужско-женские, органично включают в себя не только недоразумения, вероломство, насилие, но и сексуальность, а сексуальность, как и насилие, непременно связана с кровью. Как отмечает Рене Жирар: «Кровь обладает максимальной нечистотой... Сексуальная жизнь приводит к различным болезням реальным или мнимым; она ведет к кровопролитным родовым мукам, всегда грозящим смертью или матери, или ребенку, или обоим вместе. Даже внутри рамок ритуала, когда соблюдены все брачные предписания и прочие запреты, сексуальность сопровождается насилием; а при выходе за эти рамки при незаконных связях, прелюбодеянии, инцесте и т.д. насилие и проистекающая из него нечистота доходят до крайности. Сексуальность постоянно вызывает ссоры, ревность, злобу, битвы; она постоянный повод к беспорядку, даже в самых гармонических сообществах» (6, с.51). Поэтому грязную, запекшуюся, мертвую, дурно пахнущую кровь насилия призван смыть ритуал жертвенного очищения чистой кровью невинного агнца, которую тут же смывают» (см. там же, с.53).

Однако в реальных взаимоотношениях реального мужчины с реальной женщиной, зачастую невозможно простым способом отличить чистое от нечистого, праведное от неправедного, злонамеренность от простодушия. Потому в Протоколе ЭП и существует вопрос: «В чем, на ваш взгляд, ваша ключевая ошибка?». Иными словами, жертвоприношение в реальных отношениях людей не может не исходить из вмененной им ответственности. Тебя не затащили силком в капкан «Авель-Каин». Ты сам туда попал. Каким образом? Кто подтолкнул? По каким личным или внеличным основаниям? В поисках ответа на эти и подобные вопросы и заключается смысл психологического консультирования в ЭП.

Итак, жертва и жертвоприношение с позиций этического персонализма лишены всякой сакральности. Наоборот: это грубая, атавистическая форма межличностных отношений, в которых субъект низводится до положения объекта, психологическая сторона которых несомненно включает в себя спектр психопатологических расстройств, но в которой задействованы, помимо этого, и экстрапсихологические детерминанты: экономические, биологические, социокультурные. Психолог далеко не всегда способен девиктимизировать жертву, обеспечить психокоррекцию выгодополучателя, помочь преодолеть в целом ситуацию жертвоприношения. Однако во всех тех случаях, когда жертва полна решимости преодолеть виктимную позицию и прервать порочный круг своего существования, профессионал обязан предоставить ей весь диапазон своих возможностей и обеспечить ориентировку в социальных, в том числе и в правовых способах разрешения данной проблемы. В этом смысле антропологическая позиция Восточного христианства, относящего жертвоприношение в человеческих отношениях даже в иносказательной форме, замаскированном виде к абсолютным табу несомненно служит важнейшим этическим указателем как для психолога, так и для страждущего.

Другая жизнь (<https://prof-bondarenko.kiev.ua/drugaya-gign.html>)

Психотерапия для всех (<https://prof-bondarenko.kiev.ua/psihoterapiya-dlya-vseh.html>)

Анонсы

обратите внимание на новую статью автора (</news-show-42.html>)

📅 22 ноября 2018, 21:26

В разделе сайта "научные публикации" можно ознакомиться с новой статьей автора "Этический персонализм: синтез кросс-культурного и индигенного в психологическом консультировании" Эту и другие публикации автора вы можете найти на портале <http://ruspsy.net/>

Обновление в разделе научных публикаций (</news-show-33.html>)

📅 02 февраля 2016, 00:00

Соотношение процессов консультирования и психотерапии в разрешении межличностных конфликтов

Внимание, новая научная публикация (</news-show-39.html>)

📅 30 ноября 1999, 00:00

Уважаемые коллеги! в разделе "Научные публикации" появилась новая статья, посвященная методу Этического персонализма: "Этический персонализм: синтез кросс-культурного и индигенного в психологическом консультировании"

Новости

Свежая публикация на сайте (</news-show-45.html>)

📅 21 ноября 2018, 11:20

На сайт в раздел "научные публикации" добавлена новая статья "Этический персонализм: синтез кросс-культурного и индигенного в психологическом консультировании"

Обновление в разделе "Научные публикации" (</news-show-43.html>)

📅 24 ноября 2017, 16:59

на сайт добавлено несколько новых публикаций

📞 Остались вопросы?

ОБРАЩАЙТЕСЬ!

(</kontaktnaya-informaciya.html>)

